

А.И. Львович-Кострица

**М.В. Ломоносов. Его жизнь,
научная, литературная и
общественная деятельность.
Биографический очерк**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.И. Львович-Кострица**
М.В. Ломоносов. Его жизнь, научная, литературная и общественная деятельность. Биографический очерк / А.И. Львович-Кострица – М.: Книга по Требованию, 2016. – 88 с.

ISBN 978-5-517-96096-2

ISBN 978-5-517-96096-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Родина М. В. Ломоносова.—Его родители.—Злая мачиха.—Дѣтство.—Суровая природа сѣвернаго края.—Знакомство съ бытомъ сѣверныхъ обитателей.—Вліаніе условій, въ которыхъ протекало дѣтство М. В., на его характеръ.—Первый учитель Ломоносова.—Увлеченіе расколомъ.—Грамматика Смотритслаго и арифметика Магницкаго.—Причины, побудившія Ломоносова бѣжать въ Москву.—Поступленіе въ Знакооспасское училище.—Просьбы отца вернуться домой.—Одинъ алтынъ.—Успѣхи юноши въ монастырѣ.—Недовольство обученіемъ въ школѣ.—Кіевская академія.—Разочарованіе.—Возвращеніе въ Москву.

Неприглядную и суровую картину представляетъ собою родина нашего великаго ученаго и поэта Михаила Васильевича Ломоносова.

Одна изъ большихъ и многоводныхъ рѣкъ Россіи, Сѣверная Двина съ давнихъ поръ служила удобнымъ торговымъ путемъ, ведущимъ къ единственному въ тѣ времена русскому морю.

Это-то обиліе даровой, стихійной силы передвиженія и море, открывающее свободный доступъ къ западнымъ государствамъ Европы, и опредѣлили, такъ сказать, русло, по которому должна была направиться почти вся наша первоначальная вывозная торговля. Понятно, какъ это обстоятельство должно было отразиться на увеличеніи народонаселенія по берегамъ Двины. По мѣрѣ приближенія къ Бѣлому морю, она все болѣе и болѣе расширяется, дробится на вѣтви, рукава и притоки и образуетъ множество большихъ и малыхъ острововъ; вмѣстѣ съ этимъ число деревень, сель и городовъ все растетъ и растетъ. Одни изъ нихъ были построены туземцами, первоначальными обитателями Двинской земли, а другіе выходцами изъ внутренней Россіи, по преимуществу новгородцами. Со дня основанія нѣкоторыхъ изъ этихъ поселеній прошло уже нѣсколько столѣтій. Такъ напримѣръ, противъ города Холмогоръ лежитъ на Двинѣ островъ, называющійся Куростровомъ; съ этимъ именемъ онъ встрѣчается уже въ судной грамотѣ 1397 года и останется навсегда па-

мятнымъ для каждаго русскаго, такъ какъ здѣсь-то и родился Ломоносовъ.

Ростъ числа поселеній, о которомъ мы только что упомянули, объясняется съ одной стороны обширнымъ спросомъ на рабочія руки для судоходства, выгрузки и нагрузки товаровъ, а съ другой—рыбными и солянымъ промыслами на морѣ, привлекавшими многихъ изъ жителей этихъ мѣстъ: дальній сѣверъ велъ весьма значительную торговлю солью и рыбою съ Ногородомъ, Москвою и друг. Выгоды торговли и промысловъ заставляли жителей мириться съ суровымъ климатомъ и жалкой природой этихъ мѣстъ.

Вышеупомянутый Куростровъ не представляетъ собою ничего заманчиваго для каждаго поверхностнаго наблюдателя. Это довольно большой, но такой низменный островъ, что онъ едва не затопляется въ полую воду разливомъ Двины; всюду разбросаны низенькія болотистыя кочки и невысокіе холмы, сверху до низу затянутые мхомъ; между ними лежатъ, словно погруженные въ вѣчную дремоту, непросыхающія болотины съ грязной водой; ни лѣса, ни рощи не видно на всемъ протяженіи острова; только кое-гдѣ торчитъ жалкая, искривленная, точно больная, березка, да по береговой окраинѣ тянется непрерывный и чахлый ивнякъ, въ какой-то грусти склонившійся надъ плавно движущимися водами рѣки.

Нѣтъ здѣсь ничего такого, на чемъ глазъ наблюдателя могъ-бы съ удовольствіемъ остановиться. И тѣмъ не менѣе длинный рядъ сѣрыхъ бревенчатыхъ избъ деревень и селъ расположился почти по всему низменному и песчанному берегу Курострова,—и здѣсь идетъ негромкая, невидная, но упорная и непрерывная борьба за существованіе. Одна изъ этихъ деревень называется по письменному «Денисовкой», а въ просторѣчьи—«Болотомъ».

Отсюда, изъ за ивняка, виднѣются на лѣвомъ берегу Двины Холмогоры, со своими старинными церквями, а въ другую сторону, на правомъ берегу, какъ разъ противъ Холмогоръ, древнее село Вавчуга. Во времена Петра Великаго, въ этомъ селѣ была устроена корабельная верфь, принадлежавшая архангелогородскому купцу Боженину. Въ бытность свою въ Архангельскѣ, Петръ неоднократно посѣщалъ богатаго и умнаго владѣльца верфи и гостилъ у него по нѣсколько сутокъ.

Въ деревнѣ Денисовкѣ, уже въ началѣ XVIII столѣтія жилъ *черносошный* крестьянинъ Василій Дорощевъ Ломоносовъ.

Обыкновенно біографы нашего великаго борца «съ неприятелями наукъ Россійскихъ», говоря о его происхожденіи, утверждаютъ, что

«онъ вышелъ изъ самой низшей и простой среды народа», какъ-бы желая этимъ еще больше отгѣнить необычайность генія Ломоносова. Мнѣ кажется, что этотъ послѣдній всеѣмъ сдѣланнымъ имъ такъ ярко выяснилъ свою гениальность, что въ подобныхъ способахъ отгѣненія она всеѣмъ не нуждается, тѣмъ болѣе что эти способы не вполне соотвѣтствуютъ фактамъ.

Дѣло въ томъ, что Ломоносовъ - отецъ вовсе не представлялъ собою обычнаго крѣпостного крестьянина - раба того времени. Со-всеѣмъ напротивъ, *онъ имѣлъ участокъ земли, которымъ владѣлъ на правахъ собственности*. Это ясно слѣдуетъ изъ сохранившейся купчей крѣпости, которою Василий Ломоносовъ передавалъ за 10 рублей своему односельчанину въ полную собственность одно изъ своихъ полей. Кроме того, онъ *«промыселъ имѣлъ на морь, по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лову рыбы трески и полтосины на своихъ судахъ, изъ коихъ въ одно время имѣлъ не малой величины цуккоръ съ корабельною оснасткою, всегда имѣлъ въ томъ рыбномъ промыслѣ счастье, а собою былъ простосовѣстливъ и къ сиротамъ податливъ, а съ людьми обходителенъ, только грамотѣ неучень»*...

Такъ аттестуетъ отца Ломоносова нѣкій Варфоломѣевъ въ своей замѣткѣ отъ 4-го іюля 1788 года. Въ жизнеописаніи Ломоносова при академическомъ изданіи его сочиненій 1784 года читаемъ: отецъ Ломоносова былъ *«промысловъ рыбакъ... и первый изъ жителей сего края состроилъ и по европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подл своимъ селеніемъ галіотъ и прозвалъ его «Чайкою»*; ходилъ на немъ по сей рѣкѣ, Бѣлому морю и по Сѣверному океану для рыбныхъ промысловъ, и изъ найму возилъ разные запасы казенные и частныхъ людей города Архангельска въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Семойди и на рѣку Мезень».

Изъ этихъ фактовъ ясно слѣдуетъ, что Ломоносовъ-отецъ былъ свободный, зажиточный крестьянинъ, вѣроятно самый богатый на всемъ Куростровѣ. Когда стали собирать на построеніе церкви въ Денисовкѣ, Василий Дорофѣевъ не задумался пожертвовать 10 рублей, т. е. стоимость, какъ мы видѣли, цѣлаго участка земли. Этотъ вкладъ по своей значительности превышаетъ всѣ прочіе, сдѣланные его односельчанами.

Такимъ образомъ на отца Ломоносова слѣдуетъ смотрѣть не какъ на простаго крестьянина, а какъ на промышленника и купца. Только этою его зажиточностью и можетъ быть объясненъ его первый бракъ на дочери дьякона Еленѣ Ивановой. Отъ этого брака и родился сынъ

Михаилъ, которому суждено было впослѣдствіи прославиться на всю Россію и Европу, который въ одномъ лицѣ своемъ, какъ выразился Пушкинъ, вмѣщалъ «всю російскую академію и университетъ».

Годъ рожденія Михаила Васильевича показывается различно.

Въ конференцъ-архивѣ Императорской Академіи Наукъ хранится пачка бумагъ, среди которыхъ находится собственноручное черновое показаніе Ломоносова, написанное въ первые мѣсяцы 1754 г. Въ этомъ собственноручномъ показаніи Ломоносовъ заявляетъ, что считаетъ себя 42 года. Такое утвержденіе «заслуживаетъ, говорить Пекарскій, тѣмъ болѣе довѣрія, что прочіе выставленные въ отзывѣ годы обозначены чрезвычайно точно, что подтверждается другими современными свидѣтельствами».

Итакъ, если въ 1754 году Ломоносову было 42 года, то онъ родился въ 1712, а можетъ быть и въ 1711 году.

О раннемъ дѣтствѣ и отрочествѣ Ломоносова до насъ дошли крайне скудныя свѣдѣнія. Мнѣ не удалось встрѣтить ни одной строчки, въ которой-бы самъ Михаилъ Васильевичъ вспоминалъ о своей матери. Слѣдуетъ думать, что она умерла тогда, когда сыну ея было всего нѣсколько лѣтъ. Отецъ женился вторично на дочери крестьянина Михаила Ускаго. Эта мачиха не любила пасынка. Ломоносовъ называетъ ее злой и завистливой, говорить, что она «всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ» и вооружить его противъ сына.

Такія тяжелыя семейныя условія несомнѣнно имѣли большое вліяніе на складывающійся характеръ мальчика. Лишь только минуло ему 10 лѣтъ, какъ отецъ сталъ его брать съ собою на рыбную ловлю въ Бѣлое море и Сѣверный океанъ. Это дѣлалось не только потому, что Василій Дорофѣевъ хотѣлъ приучать своего сына къ морю и приготовить изъ него добраго рыболова и моряка, но и потому еще, что отецъ просто нуждался въ помощникѣ для своего дѣла. Мальчикъ былъ здоровый, крѣпкій и сильный, такъ что-жъ ему дома сидѣть, у печки грѣться да съ мачихой ссориться!

Во время этихъ трудныхъ и продолжительныхъ переѣздовъ—по 4 и болѣе недѣль подъ-рядъ—молодой Ломоносовъ знакомится съ величественной и суровой природой Сѣвернаго океана; при этомъ ему не приходится только оставаться прѣстнымъ созерцателемъ дикихъ красотъ далекаго сѣвера; нѣтъ, весьма нерѣдко отецъ и сынъ вынуждены бывали вступать въ жестокую борьбу съ разбушевавшимся океаномъ, въ борьбу, которая могла закончиться только или побѣдою надъ грозной стихіей, или смертью ихъ обоихъ. Очень вѣроятно, что въ памяти Ломоносова ярко вставала картина за картиной

изъ его далекихъ странствій съотцомъ по бурному морю, когда онъ писалъ, въ 1762 г., въ одѣ на восшествіе на престолъ Петра III:

Когда по глубинѣ невѣрпой
 Къ невѣдомымъ брегамъ пловець
 Спѣшить по дальности безмѣрной,
 И не является конецъ;
 Прилежно сморгить—птиць полѣты
 Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты.
 И какъ ужъ томную главу
 На брегъ желанный полагаетъ,
 Въ слезахъ отъ радости добзаетъ
 Песокъ и мягкую траву.

Но помимо того, что эти далекія плаванія развивали и укрѣпляли въ мальчикѣ стойкость характера, волю и смѣлость, они давали ему возможность знакомиться съ бытомъ сѣверныхъ обитателей, ихъ нравами и обычаями, со всевозможными промыслами, и вообще приходило въ сношенія со множествомъ новыхъ лицъ, весьма различныхъ по своему положенію и умственному кругозору.

Такимъ образомъ, хотя мальчикъ до 12-ти лѣтъ и не учился грамотѣ, но его здоровыя умственные способности отнюдь не были лишены развивающей ихъ пищи. Ему приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными явленіями жизни и строить самостоятельно свои выводы. Такъ что можно съ увѣренностью сказать, что по своему умственному развитію въ эти 12 лѣтъ Ломоносовъ стоялъ на несравненно высшей ступени, чѣмъ, напр., какой-нибудь петербургскій школьникъ, сверстникъ его по лѣтамъ, всю свою жизнь просидѣвшій въ каменномъ домѣ каменнаго города.

Первымъ учителемъ Ломоносова былъ крестьянинъ той-же куростровской волости Иванъ Шубной, сынъ котораго Федоръ Ивановичъ Шубинъ впоследствии, вѣроятно не безъ содѣйствія Ломоносова, состоялъ при Академіи Художествъ.

Ученье пошло легко, такъ что мальчикъ «черезъ 2 года учинился, ко удивленію всѣхъ, лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви. Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что не рѣдко бывалъ битъ не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту растановочно, внятно, а притомъ и съ особою пріятностью и ломкостью голоса». Сначала любимымъ его чтеніемъ были «житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ, и въ томъ былъ проворенъ, а при томъ имѣлъ у себя природную память: когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣ-

нѣя разсказывалъ сѣдѣющимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеннѣе на словахъ обстоятельно». (Путешествіе академика Ивана Лепехина. Спб. 1804 г.). Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время «младый его разумъ уловленъ былъ рѣшительными такъ называемаго толка бездоповщины; держался онаго два года, но скоро позналъ, что заблуждаетъ». Какъ извѣстно, расколъ этого толка отличался своими крайностями и горячностью отъ всѣхъ другихъ; послѣдователи его предпочитали лучше сотнями умиратъ въ срубѣхъ, построенныхъ ихъ собственными руками, чѣмъ отступить отъ своихъ вѣрованій. Въ юности юнаго Ломоносова такимъ расколомъ впервые сказались свойства его натуры. Въ семьѣ жилось плохо. Грубая и злая брань сварливой матери, гнѣвъ отца, толчки и побои—все это не могло удовлетворить страстной души мальчика, жаждавшей, конечно, ласки и нѣжности. Но и расколъ не далъ ему то, чего онъ искалъ. Только одна наука въ состояніи была удовлетворить его вполне.

Какъ-то зайдя въ домъ односельчанина Христофора Дудина, онъ увидѣлъ въ первый разъ въ своей жизни недуховныя книги. Это были грамматика Смотритскаго и ариметика Магницкаго. Какъ Ломоносовъ ни просилъ старика Дудина дать ему эти книги на нѣсколько дней, дѣдъ оставался непреклоненъ и отвѣчалъ на всѣ просьбы отказомъ. Тогда Ломоносовъ избралъ другой путь. Онъ сталъ особенно ласковъ съ тремя сыновьями старика, старался имъ всячески угождать, пока наконецъ не получилъ отъ нихъ этихъ столь заманчивыхъ книгъ. «Отъ сего самаго времени не разставался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и, непрестанно читая, вытвердилъ наизусть. Самъ онъ потомъ называлъ ихъ вратами своей учености».

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ двухъ книгахъ. Грамматика Смотритскаго и ариметика Магницкаго принадлежатъ къ самымъ крупнымъ и едва-ли не единственнымъ въ своемъ родѣ представителямъ книжной мудрости въ до-Петровской Руси. Оба эти произведенія посвяты на себѣ рѣзкій отпечатокъ польской схоластики, которая нашла себѣ гостепріимный пріютъ въ кievской академіи и оттуда вмѣстѣ съ тамошними учеными перешла въ Москву. Грамматика Смотритскаго оказала весьма сильное вліяніе на Ломоносова; онъ не забылъ о ней даже тогда, когда составлялъ свою собственную грамматику. Объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе ниже. Здѣсь же добавимъ кстатѣ, что уже на 15-мъ году Ломоносовъ писалъ безошибочно противъ современнаго ему правописанія. Этотъ фактъ весьма краснорѣчиво иллюстрируетъ блестящія способности крестьянскаго мальчика, особенно, если вспомнить первую извѣстную подпись Ка-

рамзина-юноши, полную такихъ ошибокъ и описокъ, что одинъ изъ его біографовъ только по одной этой причинѣ отказался вѣрить въ принадлежность ея перу столь извѣстнаго впоследствии исторіографа. Что же касается до ариѳметики Магницкаго, одного изъ учителей морской академіи, основанной въ Петербургѣ въ 1715 году, то слѣдуетъ замѣтить, что многіе слишкомъ довѣрчиво отнеслись къ имѣющимся въ этой книгѣ стихамъ:

Зане разумъ весь собралъ и чинъ
Природный русскій, а не иѣмчинъ,

и стали считать Магницкаго самостоятельнымъ творцомъ этого произведенія. Теперь оказалось, что ариѳметика составлена по стариннымъ рукописямъ, несомнѣнно перешедшимъ къ намъ изъ Польши; Магницкій только скомпилировалъ, если не перевелъ, готовый матеріалъ и разукрасилъ его syllабическими виршами, дѣйствительно своего издѣлія. Такая компиляторская работа была вполне по плечу для талантливаго учителя морской академіи. Магницкій зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. «Петръ В. былъ особенно расположенъ къ нему, жаловалъ его деревнями, приказалъ выстроить ему домъ въ Москвѣ, и даже благословилъ образомъ, а за его глубокія познанія и вѣроятно привлекательную бесѣду называлъ «магнитомъ» и приказалъ писаться «Магнитскимъ», — говоритъ Порфирьевъ. Ариѳметика Магницкаго была напечатана въ 1703 году. Это была первая въ Россіи ариѳметика съ арабскими цифрами; ранѣе же употреблялись въ ариѳметикахъ вмѣсто чиселъ славянскія буквы. Книга украшена аллегорической виньеткой и раздѣлена на 2 части: ариѳметику-политику и ариѳметику-логику. Въ первой изложены свѣдѣнія, необходимыя для гражданина, воина и купца; во второй—для землемѣра и мореплавателя.

Юный Ломоносовъ, съ такимъ жаромъ накинувшійся на эти новыя книги, не могъ безъ посторонней помощи понять всего ихъ содержанія, особливо ариѳметику-логику. А между тѣмъ жажда понять была очень велика. И вотъ онъ сидитъ по цѣлымъ днямъ за книгами. Сварливая мачиха сердится и бранится, всячески старается «произвести гнѣвъ» въ отцѣ его; этотъ послѣдній становится на сторону своей жены и находитъ, что сынъ его предается дѣйствительно пустымъ занятіямъ. Любознательному юношѣ не остается ничего иного, какъ удалиться изъ дому въ «уединенныя и пустыя мѣста, и терпѣть стужу и холодъ». Вскорѣ Ломоносовъ выучилъ наизусть обѣ книги. Все то, что было имъ понято и усвоено, нисколько

не удовлетворяло его любознательности, а скорѣе напротивъ—возбуждало ее.

Новиковъ, въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о российскихъ писателяхъ», писалъ всего 7 лѣтъ спустя послѣ смерти Ломоносова, что главной побудительной причиной, заставившей Михаила Васильевича покинуть отчій домъ и бѣжать въ Москву, была страсть къ стихамъ и сильное желаніе обучаться стихотворству. Эта любовь къ стихотворной формѣ было возбуждена случайно попавшей ему псалтирю, «передоженной въ стихи Симеономъ Полоцкимъ». Товарищъ Ломоносова по Академіи Наукъ—Штелинъ утверждаетъ, что этой причиной бѣгства была жажда научнаго знанія. Священнослужитель, учившій Ломоносова грамотѣ, на вопросы его «обыкновенно отвѣчалъ ему, что для приобрѣтенія большаго знанія и учености требуется знать языкъ латинскій, а ему не индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, Кіевѣ или Петербургѣ, что въ сихъ только городахъ довольно книгъ на томъ языкѣ. Долгое время питалъ онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ который нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чтобъ отдаться тамъ наукамъ».

Это объясненіе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, хотя возможно, что на ряду съ жаждой научнаго знанія было и страстное желаніе обучиться стихотворному искусству. Нельзя сомнѣваться, что къ бѣгству побуждали также тяжелыя семейныя условія и твердое намѣреніе отца женить подростка парня, хотя-бы даже противъ его воли.

Въ волостной книгѣ для записей поручителей въ платежѣ податей за отлучившихся Денисовской волости—сохранилась слѣдующая отмѣтка:

«1730 года, декабря 7 дня, отпущень Михаилъ Васильевъ сынъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ росписался».

Такимъ образомъ бѣгство Ломоносова совершилось около 7 декабря 1730. Паспортъ юношѣ удалось достать тайкомъ, при помощи управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскими дѣлами Ивана Васильевича Милюкова. Сосѣдъ Оома Шубной, вѣроятно родственникъ первому учителю Ломоносова — Ивану Шубному, снабдилъ его на дорогу полукафтanjemъ и заимообразно 3 рублями денегъ. Ни слова не сказавъ домашнимъ о своемъ намѣреніи, онъ отправился въ путь «и дошелъ до Антоніева Сійскаго монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по петербургскому тракту во стѣ верстахъ, былъ въ ономъ

нѣкоторое время, отправлялъ псаломническую должность; заложилъ тутъ взятое имъ у Ѳомы Шубнаго полукафтаные мужику Емчанину, котораго послѣ выкупить не удалось, ушелъ оттолѣ въ Москву, присталъ на Сухареву башню обучиться ариѳметикѣ, которой науки показалось ему мало, то пришелъ онъ къ тогдашнему московскому архіерею, объявля себя поповскимъ сыномъ, просилъ о принятіи себя въ Заиконоспасское училище для обученія словено-греко-латинскихъ наукъ, куда былъ и принятъ».

Вотъ одна версія о бѣгствѣ Ломоносова и поступленіи въ школу; ее признаютъ въ настоящее время болѣе вѣроятной, она помѣщена въ «Путешествіи академика Лепехина». Другая версія принадлежитъ Штелину, о которомъ мы уже упоминали. Онъ сообщаетъ множество любопытныхъ подробностей, которымъ, при болѣе тщательной провѣркѣ по рукописнымъ источникамъ, оказалось довѣрять нельзя, такъ какъ въ его разсказахъ попадаются крупныя неточности и невѣрности, по неволѣ заставляющія относиться сомнительно къ его сообщеніямъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ.—Но тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся привести здѣсь повѣствованіе Штелина о бѣгствѣ Ломоносова и о томъ, какъ ему удалось попасть въ Заиконоспасское училище,—этотъ разсказъ интересенъ.

«Долгое время питалъ онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ какой нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чтобъ отдаться тамъ наукамъ. Нетерпѣливо находилъ удобнаго случая. На семнадцатомъ году возраста своего напоследокъ оный открылся. Изъ селенія его отправлялся въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. Всячески скрывая свое намѣреніе, по утру смотрѣлъ, какъ будто изъ одного любопытства, на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, какъ всѣ въ домѣ отца его спали, надѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, погнался за онымъ въ слѣдъ (не позабылъ взять съ собою любезныхъ своихъ книгъ, составлявшихъ тогда всю его бібліотеку: грамматику и ариѳметику). Въ третій день настигъ его въ семидесяти уже верстахъ. Караванный прикащикъ не хотѣлъ прежде взять его съ собою, но, убѣжденъ бывъ просьбою и слезами, чтобъ далъ посмотрѣть ему Москвы, наконецъ согласился. Черезъ три недѣли прибыли въ столичный сей городъ. Первую ночь проспалъ Ломоносовъ въ общевняхъ у рыбнаго ряду. На завтрѣ проснулся такъ рано, что еще всѣ товарищи его спали. Въ Москвѣ не имѣлъ ни одного знакомаго человѣка; отъ рыбаковъ, съ нимъ пріѣхавшихъ, не могъ ожидать никакой помощи; занимались они продажею только рыбы своей, со-всѣмъ объ немъ не помышляя. Овладела душою его скорбь; началъ

горько плакать; палъ на колѣни; обратилъ глаза къ ближней церкви и молилъ усердно Бога, чтобъ его призрилъ и помиловалъ.

«Какъ уже совѣмъ разсвѣло, пришелъ какой-то господскій прикащикъ покупать изъ обоза рыбу. Былъ онъ землякъ Ломоносову, коего лицо показалось ему знакомо. Узнавъ-же, кто онъ таковъ и объ его намѣреніи, взялъ къ себѣ въ домъ и отвелъ для житія уголь между слугами того дома.

«У караваннаго прикащика былъ знакомый монахъ въ Законоспаскомъ монастырѣ, который часто къ нему хаживалъ; черезъ два дня послѣ пріѣзда его въ Москву, пришелъ съ нимъ повидаться. Представя онъ ему молодого земляка, разсказалъ объ его обстоятельствахъ, о чрезмѣрной охотѣ къ ученію, и просилъ усильно постараться, чтобъ приняли его въ Законоспасское училище. Монахъ взялъ то на себя и исполнилъ самымъ дѣломъ. И такъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семъ монастырѣ. Дома между тѣмъ долго его искали и, не нашедъ нигдѣ, почитали пропадшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пути: тогда уже узнали, гдѣ онъ и что онъ».

Что отецъ Ломоносова дѣйствительно зналъ, гдѣ его сынъ и что онъ дѣлаетъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ Михайлъ Васильевичъ самъ заявилъ, что получалъ не одно письмо отъ отца, съ просьбою воротиться домой.

На первыхъ порахъ молодому человѣку пришлось довольно тяжело въ монастырѣ. Вообразите себѣ, въ какомъ положеніи очутился онъ, высокій, статный юноша, съ пробивающимся пухомъ надъ губою, когда вошелъ въ низшій классъ школы и очутился товарищемъ малолѣтнихъ школьниковъ; вообразите, съ какимъ удивленіемъ всѣ эти малые ребята уставились на него, какимъ звонкимъ, задорнымъ и неудержимымъ смѣхомъ разразились всѣ они, когда узнали, что этотъ здоровенный парень пришелъ зубрить вмѣстѣ съ ними латинскую азбуку! Шуткамъ, насмѣшкамъ и издѣвательствамъ, само собою разумѣется, конца не было. Всѣ прыгали вокругъ него, кричали, хохотали, показывали на него пальцемъ: «смотрите-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться!»—такъ выразился самъ Ломоносовъ, вспоминая объ этомъ тяжеломъ для него времени. Но это еще было весьма незначительно, по сравненію съ тою бѣдностью, въ которой онъ очутился. Въ день выдавалось жалованья всего одинъ алтынъ. Изъ этой суммы онъ могъ позволить себѣ истратить только денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, а остальное должно было пойти на бумагу, обувь и прочія нужды. Такимъ образомъ пришлось жить